



М. А. АНТОНОВИЧ

Московское словенство

(Сочинения И. Киреевского. Т. I. II. Москва. 1861.

Сочинения А. Хомякова. Т. I. Москва. 1861.

Сочинения К. Аксакова. Т. I. Москва. 1861)

Хомяков, два Киреевских, два Аксаковых, — вот краеугольные камни и столпы литературной партии, которую у нас обыкновенно называют славянофильскою; эти имена составляют ее гордость и славу. Они собрали из разных источников славянофильские мысли и составили из них кодекс воззрений и убеждений, которых держится вся партия; они формулировали ее стремления, определили ее задачу и цель, представили решение существенных вопросов научных и житейских, с которым соображались и соображаются теперь все их последователи. Узнать убеждения названных нами личностей — значит узнать сполна всю славянофильскую партию; да, собственно говоря, только они одни и составляют эту партию, с прибавлением гг. Кошелева, Самарина, Тертия Филиппова и доктора Панезица¹; так называемые панслависты, вроде г. Погодина, принадлежат уже к другой породе, к другому оттенку. Поэтому славянофилов, собственно, нельзя назвать и партией; это просто небольшой кружок, состоящий из лиц единомышленных и близких между собою, друзей, приятелей и даже родственников. Правда, и другие наши литературные партии не могут похвалиться особенною полнотою и многочисленностью своих рядов; но все они представляют только подразделения и оттенки одной партии, очень сильной и многочисленной, имеют много общего и много точек соприкосновения; поэтому на них и можно смотреть, как на одну партию, противоположную славянофильству, очень своеобразному в своих убеждениях. Расходясь между собою во многих пунктах, они все сходятся в суждении о славянофиль-

стве, в отрицании его. — Что же такое славянофилы? Вопрос, по-видимому, излишний; все знают их очень хорошо, знают, что они терпеть не могут Запада, любят все древнерусское, носят даже платье особого покроя, которое так и называется славянофильским. А кроме этого, едва ли что-нибудь известно о славянофилах большинству публики; можно смело сказать, что весьма немногие знают сущность славянофильства, его основной принцип, его главную тенденцию и ту область, в которую он старается затащить нас. Не мешая поэтому заглянуть в самый корень славянофильства, рассмотрим главную ось, на которой оно все вертится; кстати же вот выходит полное собрание сочинений его вожаков. Правда, вышли еще не все томы; но для нашей цели достаточно и вышедших, а необходимые дополнения можно будет заимствовать и из других источников.

Славянофилы буквально значит — любящие славян, название, несколько не выражающее сущности дела, поэтому мы и не решились поставить его в заглавии нашей статьи; славянофилы считают это название насмешкой. «Некоторые журналы, — говорит Хомяков, — называют нас насмешливо славянофилами, что в русском переводе означает славянолюбцев»². Сами же себя славянофилы характеризуют вот как. И. Киреевский говорит: «В уголке нашей литературы начинается важное изменение. Я говорю о том славяно-христианском направлении, которое подвергается пристрастиям и преследует насмешками»³. Г. Кошелев, издатель Киреевского, выражается⁴ о славянофильстве таким образом: «Ответная статья Киреевского (Хомякову)⁵ принадлежит к его позднему направлению, которое впоследствии он сам называл православно-славянское. Два сборника, изданные Валуевым, — первые по времени книги, которые вполне принадлежат московскому славянскому направлению»⁶. Эти названия действительно гораздо лучше; они дают более определенное понятие о тенденциях славянофилов; кроме любви к славянам, они указывают еще на два характеристические признака, резко оттеняющие славянофильство. Эпитет «московское» также очень характеристичен и указывает на то действительно замечательное обстоятельство, что славянофильство образовалось и получило оседлость в Москве, поддерживалось и подогревалось ее золотыми верхами и колокольным звоном, связывалось с нею самыми крепкими привязанностями и пристрастиями. Кажется, славянофильство только в Москве и могло существовать, только здесь было для него постоянное возбуждение и пища. Все в ней располагало к славянофильству, все невольно тянуло мысль и сердце к старине; какова бы она ни

была, а все-таки возбуждала родственные чувства привязанности к себе, как дело и наследие отцов и праотцев. Киреевский до своего обращения в славянофильство говорил: «Московское общество имеет совершенно особенный характер, составляющий средину между уездным кумовством и безвкусием, и столичною искательностью и роскошью. Почти нет дома в Москве, который бы чем-нибудь не обнаружил просвещенному иностранцу нашей недообразованности, и если не в гостиной, не в кабинете, то хоть в прихожей найдет он какое-нибудь разногласие с европейским бытом и согласие с бытом московским»⁷. Во всем учении славянофилов ясно отразился характер Москвы; они тоже хотели соединить новую европейскую жизнь и науку с старым московским бытом и древними русскими поверьями, мешали французское с московским, немецкое с китай-городским. От этого смешения произошло что-то очень разнокалиберное и странное, страшный беспорядок и путаница, в которой ничего не разберешь и в которой совершенно заблудишься, как в московских неправильных улицах и переулках. Система их воззрений походит совершенно на ту безобразную и ненавистную для них мозаику, какую представляла Русь в первое время петровских преобразований. Славянофилы — это научные и литературные раскольники-староверы; отстаивая старые отеческие предания, обычаи, привычки и стремления, в которых действительно было кое-что и хорошее, они вместе с тем возвращались и к старому невежеству, к воззрениям, порожденным этим невежеством, от которых непременно отказалась бы старина, если бы она достигла развития современного нынешним славянофилам. Мы высказываем такое суждение о славянофильстве, даже имея в виду и те услуги, какие оно оказало нашей науке, особенно исторической. Славянофилы в значительной степени содействовали разъяснению некоторых частных пунктов и вопросов исторических; они, например, восставали против учения о родовом быте Древней Руси, уясняли понятие об общине и ее значении историческом и современном; своими крайними и пристрастными суждениями о реформе Петра дали повод к более точному определению ее настоящего исторического смысла. Но эти частности не выкупают общего безобразия их воззрений философских и исторических; удачное решение некоторых исторических вопросов славянофилами ничего не говорит в пользу их основных взглядов и исторического понимания, вообще очень узкого. Мы не распространяемся об заслугах славянофильства; они всеми признаны и оценены; значение их даже стали преувеличивать некоторые из наших ученых. Они говорят, будто

славянофилы изменили направление науки русской истории, будто по их милости она эманципировалась от влияния и господства немецких ученых, то есть русских немцев, и обратилась к изучению народа, его исторической жизни и быта. Между тем изменение в направлении русской истории обнаружилось гораздо раньше выступления на сцену славянофилов, и славянофильство было вызвано тою историческою школой, против которой оно восставало, и первый толчок, обратив славянофилов к изучению собственно народной жизни, дан был так называемыми западниками, что признают и сами славянофилы.

Поэтому, и помня заслуги московского словенского направления, мы все-таки говорим, что это направление в существе своем чрезвычайно странно; и эта странность во многих случаях доходит до совершенной дикости и безобразия; мы встречаем в нем понятия и взгляды, которые просто невероятны в голове сколько-нибудь развитого и мыслящего человека; и все это не в мелочах каких-нибудь и частностях, а в самом принципе, в самом корне направления, в его основном характере. Существенная тенденция, может быть и бессознательная, заключалась в том, чтобы убить всякую самостоятельность мысли, отнять у ней то, что она приобрела во все продолжение своего исторического развития, воротить ее назад, подчинить случайному авторитету, затянуть ее в старую узкую рамку, дать ей один определенный кодекс, развитием которого она должна заниматься и никак не выходить из его пределов. Читатели с первого раза даже не поверят нам, если мы скажем, что славянофилы в своих воззрениях и тенденциях совершенно сходились с «Маяком»⁸, а в частности, в области философии и истории крепко держались того ограниченного круга понятий, в котором вращаются некогда рассмотренные нами философы «старого типа». Однако ж это совершенно верно, в чем без труда убедятся и сами читатели. Признаемся откровенно, мы сами имели несколько лучшее понятие о славянофилах до появления в печати полного собрания их сочинений. Некоторые из них слыли по молве за людей ученых, философски образованных, сильных, непобедимых в диалектике. То обстоятельство, что славянофилы писали мало и редко, препятствовало правильной оценке их учений; отрывочное чтение их статей, появлявшихся одни после других в длинные промежутки, не производило полного славянофильского впечатления и не давало цельного образа славянофильства; ни у кого не доставало охоты сличать одни статьи с другими; о славянофильстве судили больше по слухам да по воспоминаниям. Теперь же, когда сокровища славяно-

фильской премудрости собраны воедино, представилась возможность одним взглядом окинуть все славянофильство; оно является нам законченным, в полном своем виде, со всеми характеристическими особенностями, сгруппированными вместе на одной небольшой картине. При созерцании этой картины даже больно становится глазам от тех диких контрастов и вопиющих несообразностей, из которых она состоит; это настоящая суздальская картина старого русского «пошиба», оскорбляющая всякий сколько-нибудь развитый вкус своим безобразием, неверностью фигур и очертаний и грязью набойчатых красок. Теперь оказывается также, что у славянофилов под неблагоприятными словами скрывались неблагоприятные вещи, в противность прежнему предположению некоторых. В этом читатели убедятся несомненно, если обратят внимание преимущественно на мысли Киреевского.

Обыкновенно думают, что славянофильская школа возникла самостоятельно, образовалась сама собою, и основатели ее сами собственным умом добрались до своих принципов. Это несправедливо. Первым и самым ревностным проповедником славянофилизма был «Маяк»; с фанатическою яростью восставал он против Запада и западного образования, доказывал необходимость народности, всегда и везде указывал на то основание, на котором, по его мнению, должно было воздвигнуться здание русского просвещения. Такие же мысли и чувства воодушевляли и славянофилов; стоит только вспомнить статьи Бурачка о Западе, католичестве и протестантстве⁹ и о началах русской философии и сличить их с мыслями Хомякова и Киреевского о тех же предметах, чтобы убедиться в том, что славянофильство есть прямое и законное дитя «Маяка», только не так фанатичное и менее сокрушающееся о греховности рода человеческого, чем его батюшка. Зато «Маяк» был последовательнее в своих суждениях и гораздо больше приближался к народности, если разуметь под народностью то, на что указывают славянофилы согласно с «Маяком». Многие положения «Маяка» были уж слишком нелепы; он называл греховною прелестью всякую поэзию, за исключением его собственных повестей; славянофилы менее последовательны, но если будут последовательны, должны будут согласиться с «Маяком» в его суждениях о всех видах греховной прелести и объяснять с народной точки зрения хоть кликуш, напр. Собственно славянофильские идеи, несколько отличные от идей «Маяка», были формулированы братьями Киреевскими, и прежде всего, вероятно, Петром Киреевским, который соблазнил потом в славянофильство и Ивана. У И. Ки-

реевского эти идеи заимствовали и развивали подробно Хомяков и К. Аксаков.

Славянофилов, так же точно, как наших современных почвенников, сгубила несчастная фраза о народности, пущенная в ход «Маяком»¹⁰. «Что это такое в самом деле? — рассуждали славянофилы: — куда ни помотришь, везде у нас все чужое, заграничное и иностранное, в науке, в искусстве и даже в жизни; пища, питье, одежда и жилище — все переделано у нас на иностранный лад и манер. Что мы за несчастные люди такие, — ужели мы не в состоянии придумать что-нибудь собственным русским, хоть бы даже и задним умом, выработать что-нибудь свое, народное?» Мысли, как видите, самые невинные и позволительные; отчего, в самом деле, не погоревать о своей несчастной доле и не помечтать о средствах к ее улучшению? «Я, — мечтал юный И. Киреевский, — буду иметь все в литературе, и дам ей свое направление. Все те, которые совпадают со мною в образе мыслей, будут моими сообщниками. Мы возвратим права истинной религии, изящное согласим с нравственностью (ну вот «Маяк» тоже считал изящное несогласным с нравственностью), возбудим любовь к правде, глупый либерализм заменим уважением законов, и чистоту жизни возвысим над чистотою слога»¹¹. Мечта его осуществилась только наполовину; веса в литературе он не имел и не дал ей своего направления; но сообщники у него нашлись и пошли вместе с ним к одной цели. Прежде всего они стали трудиться над тем, как бы придумать что-нибудь свое, отличное от иностранного, как бы переделать науку и жизнь сообразно с требованиями русского народного духа. Само собою разумеется, они сейчас же принялись разыскивать русскую народность и те обнаружения, которыми проявил себя русский дух. Казалось бы, славянофилам не было никакой нужды далеко ходить за этим и много мудрить; все, что совершалось перед их глазами, что окружало их со всех сторон, было народно в высшей степени; даже то, что было заимствовано у иностранцев, носило на себе ясный отпечаток русской народности и сильно припахивало русским духом. Для этого стоило только сличить заимствованное и переведенное русскими с подлинными иностранными оригиналами; разница вышла бы поразительная, а эта разница и была бы величиною, определяющею русскую народность. Русские академии, университеты и гимназии, положим, были заимствованы у Запада; но они нисколько не походили на западные и в существе своем оставались чисто русскими народными. Русский человек в немецком платье, в французских перчатках, с английским пробо-

ром на голове, все-таки оставался русским; немецкое пиво, французские вина, английский портер не изменили его русской натуры. Или вот, например, славянофилы считают Петербург отщепенцем и пасынком Руси, называют его не русским городом. К. Аксаков говорит: «Петербург забавен с своим патриотизмом. Забавнее всего, что он упрекает Москву в недостатке патриотизма. Да у нас и вовсе нет того патриотизма, какой у него. Но разница в том, что Москва русский город, город народный, которому и в голову не придет доказывать свой руссизм. Да за нее громко говорит история и народ русский. О Sanctpeterbürger'цы! вспомните ваше имя, добровольно вам данное, и посмотрите, не утверждает ли ваш патриотизм за вами значение не русского города?»¹² Конечно, лестно было бы для Петербурга считать себя европейским городом; но увы! он должен сознаться, что он не европейский, а русский город, и гораздо больше имеет сходства и родственной связи с Москвою, чем с Берлином или Парижем. В Петербурге такие же мостовые, извозчики, те же темные и грязные переулки, как и в Москве; у них обоих есть гостиные дворы с торговцами, запрашивающими втридорога и торгующимися не на живот, а насмерть; в Петербурге есть мазурики — совершенное подобие московских жуликов; в Петербурге тот же порядок, устройство и благочиние, как и в Москве, те же чиновники военные и гражданские, те же униформы, те же кокарды, каски и сабли, что и в Москве; Петербург так же точно, как и Москва, любит и постоянно созерцает драки и мордобития; петербургерцы потребляют водку, чай и квас в таком же количестве, как и московские словене; первые так же охотно снимают шапки и гнут спины, как и последние; в Петербурге есть такие же баричи и такие же широкие натуры, как и в Москве; в Петербурге все есть московское, исключая разве славянофильство. Одним словом, Петербург русский город и родной брат Москве, хоть он и носит нерусское имя; славянофилы и все вообще любители русской народности удобно могут наблюдать в нем главные основания и все черты русского народного духа. Так-то вот оно везде и во всем; смотришь на что-нибудь, с виду кажется как будто иностранное, а взглядишься попристальнее, оказывается, что оно русское и Русью пахнет. Нет, Русь остается Русью, даже принявши западный вид. А славянофилы вообразили, что реформа Петрова совершенно переродила русского человека, что он утратил все свойства своей природы и, одевшись по-немецки, покушавши западной пищи, поучившись западным языкам, стал другим существом, которое по классификации Панезица

нужно отнести к породе западноевропейцев, а не русских¹³; они не сообразили того, что типы и виды народностей очень упорны и довольно постоянны, что они с большим трудом перерождаются одни в другие, и даже вовсе не перерождаются, если между ними существует такая поразительная разность, какую находят славянофилы между западноевропейцами и славяноруссами. Лошадь легко могла переродиться в мула, или наоборот; но не так легко было бы ей переродиться в корову. А славянофилы признали действительность подобного перерождения образованного русского в европейца. Вследствие этого, для определения народности, они принялись развивать непочтую Русь, не тронутую реформой и образованием, с полной уверенностью найти в ней чистейший самородок русской народности. Должно быть долго они копались в твердой, каменистой почве, и все-таки не встречали ни одного осязательного признака, ни одного наглядного качества, которым можно было бы охарактеризовать русскую народность; проследить ее в мелочах, в ежедневных явлениях, уловить ее в едва заметных проявлениях, не бросающихся в глаза с первого раза, но тем не менее существенных и важных, — у них не доставало сил и умения. Им нужно было что-нибудь хоть и не важное, но большое, крупное, наглядное, на что можно было бы указать пальцем. Тут снова помог им «Маяк». Они, подобно ему, остановились на системе воззрений, получивших хоть и народную, но грубую форму. Что бы ни дали Древней Руси, какую бы систему воззрений ни сообщили ей, она непременно отлила бы их в эту самую форму. Первоначальный вид воззрений, заимствованных Русью, отчасти сохранился по рутине только в самом ограниченном меньшинстве, к которому примыкают и славянофилы. Таким образом, они сами себе противоречат и отрицают в этих воззрениях именно то, что есть в них чисто народного, и стоят за то, что в них совершенно случайно, и что привзошло извне, не из Руси; на это случайное они постоянно и указывают, как на существенное выражение русской народности. Славянофилы бранят некоторые системы за их неудовлетворительность и видят счастье и залог будущей блестящей судьбы русского народа в том обстоятельстве, что он не принял этих систем. Но если бы историческим обстоятельствам угодно было сообщить ему одну какую-нибудь из этих систем, он принял бы и ее, но зато переделал бы ее по-своему, и из нее вышло бы то же самое, что есть у него теперь, с незначительной разницей.

Но как бы то ни было, основной принцип и признак русской quasi-народности открыт, искомая народность найдена, и затем

все пошло у славянофилов как по маслу. С помощью найденного талисмана, они принялись сочинять и выдумывать все свое, чисто русское, и сочинили такое столпотворение вавилонское, что Боже упаси. О чем бы они ни заговорили, какую науку ни взяли, какой бы вопрос ни решали, они непременно съедут на измышленный ими основной принцип русской народности, как «старые» наши философы всегда съезжают на идеи, так что это наконец становится несносным. И просто невольно досадуешь на этих людей, зачем они и говорят о разных предметах, и толкуют свысока о разных науках, когда в их речах повторяется одна и та же старая песня даже без всяких вариаций, которую можно услышать и не в науке и которую приходилось слышать всем тысячу раз из других уст, не вооруженных орудиями и инструментами славянофильства, хоть бы, напр., из уст «Маяка» или «Философского лексикона»¹⁴. И чтобы скрыть внутреннюю неосновательность своих построений и как-нибудь сгладить их странные резкости, славянофилы прибегали к фразам, к туманному восторженному красноречию, к выражению своих чувств, а не мыслей. В этом искусстве особенно ловок был Хомяков, в противоположность Киреевскому. Киреевский всегда говорил откровенно, прямо, высказывал свою мысль точно, без всяких сомнительных оговорок и околичностей. Хомяков же никогда не становится прямо перед своим вопросом, и всегда как-нибудь извернется и уклонится от прямого ответа, пускается сначала в отрицания, и как только дойдет дело до собственных положений, он почти всегда бросается в риторику, отпускает свое мнение гомеопатическими дозами и постоянно разбавляет и смягчает его водою ограничительных фраз.

Славянофилы славились своими философскими познаниями и, как выражается г. Кошелев, обладали «врожденными философическими способностями»; естественно, что они прежде всего занялись сочинением русской народной философии, или проведением в философию народности и народного духа, так названного ими любомудрия.

Основные понятия славянофилов о том, какова должна быть новая русская философия в духе народности или любомудрия, в общих чертах совершенно верны и основательны; против них возражать нельзя; можно сделать разве одно только замечание, не касающееся, впрочем, сущности дела. Действительно, у русских должна быть своя философия, и она, может быть, и будет со временем и в ней отразится непременно народный характер и склад русского ума. Каждый из передовых народов Европы имеет своеобразную философию: английская философия не по-

ходит, напр., на немецкую, а немецкая отличается от французской; но они разнятся между собою по характеру, по форме, по степени глубины и отвлечения, а никак не по содержанию, по предмету и по источникам познания. Зачем же и будущей народной философии русской давать заранее определенное, характеристическое и отличное от содержания всех других философий; зачем предписывать ей программу и указывать путь, по которому она должна идти неуклонно; зачем требовать от нее, чтобы она черпала свои знания из одного исключительного источника, тогда как у ней есть много и других. Ведь это и значит стеснять свободу мысли и уничтожать философию в самом ее зародыше и основания, как вы ни увертывайтесь и ни ограничивайте ваши положения смягчающими фразами. Какое основание имеют славянофилы для своей уверенности, с какою они указывают русской философии известный круг понятий, в котором она должна безвыходно вращаться? Они предписывают ей один путь, которым шла мысль Древней Руси. А что, если русская философия не пойдет по вашему пути, который вы признаете единственно надежным и исключительно истинным; тогда вы станете тащить ее насильно, как делают всегда люди, считающие все системы, кроме своей, ложными и губительными, и потому одобряющие некоторые насильственные и принудительные меры, в роде хирургических ампутаций, чтобы спасти заблуждающихся от конечной гибели. Или вы станете называть ее не народной, а заимствованною? Беда не большая; можно наверное сказать, что она скорее решится подвергнуться упреку в недостатке народности, чем откажется от своей самостоятельности, от возможности собственного развития, и ни за что не согласится рабски следовать вашим указаниям. Славянофилы хотят соблазнить нас легкостью выполнения составленного ими проекта русской философии. «Для развития самобытного мышления не требуется особой гениальности. Напротив, гениальность, предполагающая непременно оригинальность, могла бы даже повредить полноте истины»¹⁵. Ну вот видите; гениальность и оригинальность вредны для русской философии; для ней требуется самая жалкая посредственность. Что же это за философия такая, скажите, пожалуйста: для ней признается вредным то, что считается необходимым и вернейшим залогом успеха во всякой области наук и во всех сферах человеческой деятельности. Можно вообразить, какой жалкий и рутинный вид она будет представлять, когда в ней преследуется всякая оригинальность, без которой невозможна самобытность. Ужели славянофилы думают, что русский ум до того туп и ограничен,

что согласится принять предлагаемую ими философию и удовольствуется ею? Такое мнение унизительно и оскорбительно для русского ума, который по-видимому так восхваляется славянофилами. Они дают ему философию, очерчивают для него определенный круг деятельности, в котором, по снисходительному повелению А. С. Хомякова, ему предоставляется «некоторая свобода»; но как только он перейдет за назначенную черту, захочет сказать что-нибудь оригинальное, славянофилы тотчас же останавливают его, хватают за шиворот и ставят на свое место: «Ты-де, любезный, уж слишком заимствовался, тебе бы и вовсе не следовало приниматься за любомудрие, потому что ты гениален и только можешь попортить все дело». Если бы славянофилы согласились, что эта философия есть их собственное изобретение, что она измышлена ими для себя, для своего домашнего обихода, — как оно и есть на самом деле, — тогда никто и слова не сказал бы им. Пусть они наслаждаются тем, что им нравится; уж коли для их философии вреден гениальный ум, так и пусть они сами занимаются ею; стало быть, они будут для ней полезны, и им как раз по плечу такая философия. Любомудрие боится гениальности и оригинальности, — лучшей характеристики для любомудрия не мог бы придумать самый отчаянный враг ее; то обстоятельство, что она придумана славянофилами, ручается за ее несомненную верность; им оно очень хорошо известно. Но ведь вот в чем дело: славянофилы выдают свою философию за народную; мало того, видят в ней основной характер русской народности, говорят, что она-то и составляет народность, что другая философия в русском народе невозможна; он не способен придумать и понять что-нибудь другое. Что это, читатели, — клевета на русский народ, оскорбительная для него, или в самом деле правда, горькая для него? Как бы кто ни отвечал на этот вопрос, во всяком случае славянофильское любомудрие дело очень не хорошее; если оно выражение народности, то Бог с нею, с такою народностью; если же клевета на русскую народность, то мы можем только удивляться бесстыдству, с каким славянофилы взводят ее на русский народ. Таким образом, из-за пустой фразы о народности славянофилы пятятся назад, приносят в жертву свою мысль, свой здравый смысл, и хотят соблазнить на это же всю русскую науку; всех образованных мыслящих людей. Что за странная фантазия, — вишь чего захотели! «Когда мы сообразим, — говорит Киреевский, — как неудовлетворительность западной философии требует нового начала, — то нам не то кажется сомнительным, скоро ли разовьется, но то удивительным, отчего до

сих пор не развилось у нас это новое сознание ума, так настоятельно требуемое всею совокупностью нашей умственной и нравственной образованности»¹⁶. Вот то-то и есть; решительно нет ничего удивительного в том, что ваши фантазии не осуществились и никогда не осуществляются; это-то и должно убедить вас, что они ни больше ни меньше как фантазии, и притом самые дикие. Если бы славянофильское начало действительно составляло сущность русской народной жизни, если бы наша умственная и нравственная образованность требовала проектируемой ими философии, она бы давно явилась сама собою и без их воплей и рыданий, и проповедуемая ими принималась бы везде как необходимое удовлетворение существенным потребностям русского ума. Но жизнь-то именно идет как раз наперекор им.

Сочинивши народную русскую философию, славянофилы окончательно размечтались, пришли в воинственный азарт, стали думать да гадать о том, нельзя ли забрать в руки всю западную философию, не с тем, впрочем, чтобы только показать над нею свою власть, но поработить ее себе для ее же собственного блага, чтобы спасти Европу от умственной гибели и помочь ей в ее бедственном положении.

Таким образом, западная философия и вся вообще образованность по необходимости, условливающей самое ее существование и дальнейшее развитие, должна подчиниться нашему любомудрию, соответствующему русской народности. Все это совершенно верно и справедливо с теоретической точки зрения; но мы не знаем наперед, согласится ли западная философия на такое подчинение нашему народному любомудрию, потому что нам неизвестно, делали ль ей славянофилы лично такое предложение. Но судя по всем вероятностям, можно думать, что западная философия с презрением отвергнет наше любомудрие; она, к несчастью своему, слишком горда и самостоятельна, и вообще не любит подчиняться кому бы то ни было, кроме самой себя; она уверяет, будто бы она собственным горьким опытом убедилась, как губительно для ней подчинение, какого бы рода оно ни было. Западной философии, по словам славянофилов, ничего не остается делать; она погибла; — так, но как знать, может быть, она найдет себе дело, западноевропейский ум ведь славится своею изобретательностью. Живая мысль, какую она бывает у живых людей, всегда действует, если она возбуждена и если есть для нее питательные материалы. И западная мысль, кажется, не отказывается от работы, и материалов у ней запасено довольно; поэтому, если она сознала, как уверяют славяно-

филы, неудовлетворительность и недостаточность прежнего направления своей деятельности, она выработает и примет другое, новое направление, и выработает его из себя самой, из своих собственных начал, а не пойдет искать его куда-нибудь за тридевять земель. И что за несчастная страстишка у славянофилов все подчинять и покорять себе! Славянофилы стоят за народное любомудрие, потому только, что оно народно; Запад с большою основательностью может отстаивать свою народную рациональную философию, которую он жил несколько веков, и живет еще доселе; она существенно принадлежит его духу и составляет его самобытное произведение. А вы думаете, что он вдруг променяет его на ваше любомудрие, воображаете, что западный ум так же туп и непостоянен, каким вы представляете себе русский ум, который будто бы, как говорите, во время реформы отказался от своей народности и охотно променял ее на чужую. Нет, западный ум постоит за себя, как стоял и русский; он не посрамит земли западной, и костями ляжет за нее, не хуже вашего Святослава. Но вы непременно требуете, чтобы он отказался от своей философии и принял вашу, иначе де ты пропал. Вот видите ли, вы стремитесь к такой комбинации, которую сами же порицаете в других случаях; западная философия, как вам кажется, не годится для России; так же точно и Запад скажет, что ваше любомудрие для него не годится, тем более что его философия все-таки выше нашего любомудрия. Вы хотите произвести на Западе реформу гораздо насильственнее и бестолковее той, какую, по вашему мнению, произвел в России Петр I; это желание обнаруживается у вас везде и в науке, и в жизни, и в международных отношениях. Где же ваше уважение к чужим народностям, — или вы уважаете только свою московскую? Вот то-то и беда ваша, для вас только и свет, что в окошке. «Москва, — говорит К. Аксаков, — выработывает русскую мысль (то есть московскую). Все значение Москвы — это единство, совокупление, целость Руси, — значение Москвы есть значение всяя Руси. Отсюда многое и все существенное объясняется» (с. 230). Действительно, отсюда объясняется и происхождение московского словенского направления. В лице славянофилов сохранились до нашего времени экземпляры москвичей, какими они были в старину при Иване I, при Иване III и Иване IV. Вот как живуча русская и, в частности, московская народность!

Надеемся, читатели получили совершенно верное понятие о славянофильской философии или любомудрии; вероятно, она уже успела надоесть им, и они очень желали бы проститься с

нею. Нет-с, позвольте; не угодно ли вам еще выслушать славянофильскую историю философии и познакомиться с взглядами словенского направления на новую всемирную историю; где же ваше уважение к русской мысли, русской науке и ее почтенным представителям, Киреевскому, Хомякову и К. Аксакову? Это, необходимое в каждом русском и вообще славянском человеке, уважение обязывает вас терпеливо и внимательно выслушать рассуждения о развитии Запада с его философией и о противоположном ему развитии Востока с его любомудрием. Сущность их заключается в следующем: на Западе все дурно, а на Востоке все хорошо; там все шло и развивалось ложным путем, а здесь истинным; там везде господствует знание, рационализм, здесь и сердечное убеждение.

Затем мы предоставляем уже ученым историкам-специалистам определить достоинство и значение воззрений Хомякова, который утверждает, что движение новой истории и развитие человечества совершалось преимущественно, если не исключительно, на Востоке; что Запад, напротив, исказился, развратился умственно и нравственно и внутренне умер; он не развивался, а только приготавливал горькие плоды, которые созрели наконец в XIX веке. Передовою же страной во все продолжение истории был Восток; на нем была сцена истории; он жил умственно и нравственно, приготавливал для человечества жизненную пищу. Они же, ученые специалисты, должны решить, отчего это немцы, обыкновенно столь любознательные и живота своего не щадящие для удовлетворения любознательности, обнаруживают слепую ненависть и невежественную невнимательность к Востоку, и не хотят признать его заслуг, хоть, впрочем, правду сказать, они написали довольно сочинений по истории Востока и имели возможность сделать ему настоящую оценку. Мы с своей стороны только заметим, что все эти воззрения Хомякова не новы и не оригинальны, что его предупредил в них «Маяк», и напомним читателям воззрения Бурачка, который тоже говорил, что Запад развратился и исказился умственно и нравственно. Только Бурачек был снисходительнее Хомякова и утверждал, что искажение Запада началось не с первых дней его существования, а только со времени так называемого возрождения наук, — момента, когда Западная Европа пошла ретроградным путем, назад, к тьме и неведению древнего язычества; потому и самое возрождение наук он называл возрождением язычества. В суждениях же о значении Востока и о качествах немцев Бурачек совершенно сходился с Хомяковым, говоря строго, без всяких натяжек и преувеличений.

Вот вам в общих чертах вся славянофильская философия, история философии и философия истории; мы теперь, к общему нашему удовольствию, и расстанемся с философией, а перейдем к изложению славянофильских воззрений на русскую историю и жизнь, на русский народ, на современное положение и потребности России, — сюжеты более интересного и привлекательного свойства, чем философия. Предупреждаем читателей, что они и здесь услышат ту же старую песню, которая им уже известна, и просим их не досадовать на нас за это; мы ведь нисколько не виноваты в том, что все славянофилы твердят везде и во всем одно и то же, даже одними и теми же фразами. Приступая к рассуждениям о русской истории и жизни, славянофилы, по обыкновению, начинают с Запада; не будь этого несносного Запада, им, кажется, нечего было бы и говорить; и потому их ненависть к Западу представляется нам самою черною неблагодарностью. В состав западной жизни, по учению славянофилов, вошли три элемента: Римская церковь, образованность древнего языческого мира и, наконец, особенный общественный быт, который везде в Европе возник из борьбы, из угнетения завоевателей и из противодействия завоеванных. В России этих элементов не существовало: не было Римской церкви, не было древней языческой образованности, а общественный быт русский возник не из борьбы и завоеваний, а из любви и мира. Но этот древний русский быт, основанный на любви и мире, разрушен влиянием Запада. Как же восстановить его? — Это очень просто, по мнению Киреевского: надобно подчинить западное просвещение принципам нашего старинного быта.

Хомяков, по своему обыкновению, отделяется фразами от вопроса, так ясно и решительно поставленного Киреевским; он требует возвращения к старой Руси, но так это у него выходит, что ничего и разобрать нельзя; его фразы можно понимать как угодно; ясно только то, что он хвалит себя и других славянофилов за любовь к старине.

Восхваливши себя самих за любовь к старине, славянофилы начинают ораторствовать о народе и восхвалять его за то, что и он также до сих пор остался верен началам Древней Руси. В простом народе славянофилы видят воплощение старины; он дорог и любезен им, как редкий старинный памятник; они восхищаются им, как археолог восхищается каким-нибудь папирусом, этрусской вазой или вещицей, найденной в Помпее; они дорожат им, как зоологи зубром, порода которого, того и гляди, что переведется совсем. Они относятся неприязненно и даже фанатически неприязненно к тем из народа, которые стряхивают с

себя старинный хлам и старинную грязь, и стремятся к новому образованию. Они сами, наконец, не делают того, чего требуют от других и что они желали бы видеть сохраненным, но только опять в жизни других, а никак не в своей собственной. Впрочем, сердце человеческое глубоко, и как знать, может быть, славянофилы действительно любят простой народ искренно и неподдельно; но во всяком случае к этой любви все-таки примешивается у них археологическая любовь к древности, к старине.

Вот и полное мирозерцание славянофильства, весь запас выработанных им идей, воззрений и взглядов, все его стремления и тенденции! Где же исполнение хвастливых обещаний, на которые не скупилась славянофилия и которые давались с такою самоуверенностью; где русская народная наука со всеми ее благами и благотворными действиями; где по крайней мере следы славянофильского влияния? Московскому направлению, как уверяли его последователи, суждено занять «не последнее место в судьбе нашего просвещения»; оно есть «поворотное движение» русского просвещения. Куда же и кого оно поворотило? Известно всем, что славянофильство почти исключительно ограничивалось Москвою и не выходило за ее пределы; большинство образованной публики никогда ему не сочувствовало, ясно понимая его несостоятельность, фантастичность и «поворотное движение» назад. С течением времени оно не усиливалось, а постоянно ослабевало; и теперь существуют только жалкие развалины славянофильской партии; последний из московских могоканов. «День»¹⁷ только повторяет зады, пренаивно уверяя, что его знамя есть знамя русской народности, понятой и определенной Киреевским, Хомяковым, К. Аксаковым и всей так называемой славянофильскою школой (хороша народность!); редактор его только пережевывает фразы своего покойного брата, ясно показывая этим невозможность еще чего-нибудь в славянофильском духе. Но эти фразы «Дня» уже рассмотрены подробно и оценены по достоинству другими¹⁸, а потому мы и оставляем их в покое.

В заключение скажем несколько слов о развитии и странном изменении убеждений И. Киреевского, с тем чтобы показать, до чего может довести славянофильство даже умного человека, как оно способно запутать его и затемнить его понятия. От Киреевского можно было ожидать чего-нибудь дельного, судя по его первым статьям, в которых обнаруживался светлый взгляд и были мысли очень оригинальные. Путешествуя по Европе, он увидал вблизи западное образование, понял его значение и составил определенный взгляд на то, каким образом оно могло

быть усвоено и должно было усвоиться Россией. Но разные славнофильские обстоятельности, о которых рассказывает г. Кошелев в биографии Киреевского, спутали его понятия и наконец совершенно изменили их. Бедный Киреевский, — право, очень жаль его! Мы хотели было сказать г. Кошелеву несколько веселых слов за его излишнюю внимательность к родословной Киреевского, которую мы считаем вещью, не стоящую никакого внимания (должно быть потому, что сами не имеем славной родословной), и за изображения красоты Долбина, имени Киреевского; но грустная судьба Киреевского не располагает к веселости. В 1831 году И. Киреевский начал издавать журнал, под названием «Европеец»; уже одно название указывает на его тогдашний образ мыслей. В нем он напечатал свою статью «XIX век», где он развивал такую мысль: в жизни России были те же элементы, что и в жизни Европы, недоставало только классического древнего мира; этот недостаток был причиною того, что наше образование шло медленно; мы не обращались, подобно Европе, к своим умственным праотцам, к Древнему Риму и Греции, которые содействовали развитию Европы. Только со времени нашего сближения с Европой начало у нас распространяться и просвещение в истинном смысле этого слова; «отдельное, китайски особенное развитие заметно у нас было и прежде; но оно не могло иметь успеха общечеловеческого, ибо ему недоставало одного из необходимых элементов всемирной прогрессии, ума»¹⁹, т. е. классической древности (а впоследствии он, бедный, сам считал счастьем для России отсутствие этого элемента). Он защищал реформу Петра и утверждал, что просвещение не иначе могло прийти к нам, как посредством перелома в нашем развитии. И наконец высказал такую мысль:

«Так образованность европейская является нам в двух видах: как просвещение Европы прежде и после половины восемнадцатого века. Старое просвещение связано неразрывно с целю системою своего постепенного развития, и чтобы быть ему причастным, надобно пережить снова всю прежнюю жизнь Европы. Новое просвещение противоположно старому и существует самобытно. Потому народ, начинающий образовываться, может заимствовать его прямо и водворить у себя без предыдущего, непосредственно применял его к своему настоящему быту. Вот почему и в России, и в Америке просвещение начало приметно распространяться не прежде восемнадцатого и особенно в девятнадцатом веке»²⁰.

«Европейца» вышло только две книжки, рассказывает г. Кошелев; «все, что было в этих книжках самого Киреевского,

ныне перепечатано вполне. Читатель может ясно видеть, что в статьях сих нет ничего возмутительного. Но у Киреевского было много врагов литературных, которым не нравился успех нового журнала, и которые не могли забыть его прежних критических разборов. Статья его “XIX век” была перетолкована. Далее разбор представления “Горе от ума” признан за самую непристойную выходку против находящихся в России иностранцев. Посему продолжение журнала воспрещено»²¹.

«Счастливы мы, — прибавляет г. Кошелев, — что живем в такие времена, когда не только возможно перепечатать статьи, вполне безвредные, не только возможно рассказать о тогдашней ценсурной придирчивости, но когда подобные ценсурные дела перешли уже в область предания, которому верится с трудом, стали делами давно минувших дней, глубокою стариною, которой, слава Богу, конечно, не суждено уже возродиться»²². «Подле Киреевского, неразлучно с самых первых лет детства, был его брат Петр Васильевич. Они были связаны такою нежною, горячею дружбою, которая бывает редка даже между братьями. Иван Васильевич высоко ценил своего меньшого брата, но в эпоху запрещения “Европейца”, взгляды их во многом были несходны. Щедро одаренный от природы, Петр Васильевич, смолоду, с особенной любовью сосредоточил все свои силы над изученьем русской старины и выработал свой самостоятельный взгляд — глубокое убеждение в безусловном вреде насилия петровского переворота, в этом отступничестве дворянства от коренных начал русской народной жизни. Он долго оставался одинок с своими убеждениями, они казались чудачеством, непоследовательностью в человеке, который искренно был предан свободе и просвещению, и Ивану Киреевскому трудно было согласить свои европейские мнения с упорным славянством брата. Их разномыслие в таком жизненном вопросе выразилось почти что в ежедневных, горячих спорах; состояние это не могло не быть крайне тяжелым для того и другого; чтобы уцелела вполне их единокдушная дружба, необходимо было, чтобы один из них пересоздал свой образ мыслей о русском народе. Кажется, можно с уверенностью сказать, что при непрерывном, страстном обмене мыслей и сведений, взгляд старшего брата постепенно изменялся, по мере того, как несокрушимое убеждение младшего укреплялось и определялось изучением современной народности и древней, вечевой Руси»²³.

«В 1834 году исполнились давнишние сердечные желания Киреевского. В марте месяце он помолвлен и 29 апреля женился на Наталье Петровне Арбеновой. Вскоре после ее свадьбы он

познакомился с схимником Новоспасского монастыря, отцом Филаретом, и когда впоследствии короче узнал его, стал глубоко уважать и ценить его беседы. Во время предсмертной болезни старца Киреевский ходил за ним со всею заботливостью преданного сына, целые ночи просиживал в его келье над постелью умирающего. Конечно, это короткое знакомство и беседы схимника не остались без влияния на его образ мыслей и содействовали утверждению его в том новом направлении, которым были проникнуты его позднейшие статьи. Долбино в 40 верстах от Козельской Оптинской пустыни. Сюда уезжал Киреевский и проводил здесь целые недели, душевно уважал многих старцев святой обители и особенно отца Макария, беседы которого он высоко ценил. Здесь же он занимался приготовлением к изданию разных душеспасительных сочинений, переводимых в обители монашествующими братьями (с. 100).

